

УДК 39

DOI: 10.17223/2312461X/34/3

«О ВКУСЕ ХЛЕБА МЫ УЖЕ ЗАБЫЛИ»: ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЧУКОТСКОГО СЕЛА В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД*

Пэтти А. Грей

Аннотация. Через призму этнографии исследуются изменения в потреблении пищевых продуктов на Чукотке в 1990-е гг., а также анализируется то, как эти изменения повлияли на социальные отношения в одном селе в тундре. При этом подчеркивается, что постсоциалистические модели потребления на Крайнем Севере России противоречили общепринятым ожиданиям в отношении пищевых предпочтений коренных народов. Статья посвящена оленеводам, коренным жителям, потребление которых обычно ассоциировалось с «традиционными» пищевыми продуктами. В советский период они привыкли к еде, которая была доступна при государственном социализме и поставлялась совхозом. При капитализме свободный рынок таких продуктов был урезан. Это вынудило оленеводов искать в тундре те «традиционные» продукты, любовь к которым им приписывали; однако во многих случаях они сами не потребляли их, а продавали или обменивали на основные пищевые продукты, поставляемые совхозом. В то время как некоторые сторонние наблюдатели провозгласили «возвращение к традиционному существованию» в тундре, оленеводы жаловались на полное разрушение моральной экономики, которую они считали само собой разумеющейся. Таким образом, их собственные ожидания от перемен не оправдались вследствие образования глобального продовольственного рынка и установления рыночных отношений.

Ключевые слова: потребление, мировой рынок, моральная экономика, обеспечение, оленеводы, совхозы, государственный социализм, традиционные пищевые продукты

Введение

В статье с этнографических позиций исследуются изменения в потреблении пищи, а также в социальных отношениях, связанных с едой, в одном из сел на Чукотке. В фокус авторского внимания попадает самый трудный период – конец 1990-х гг., когда стремительные социальные и экономические изменения, в том числе реорганизация совхозов Чукотки, вылились в ощутимую нехватку продуктов питания. Объектом исследования была знаковая часть населения Чукотки – оленеводы, которые, как принято считать, ведут традиционный образ жизни и предпочитают употреблять в пищу натуральные продукты. Если бы у

* Перевод статьи выполнен в рамках проекта № 19-09-00268 «Этноэнциклопедия чукотской культуры», реализуемого при финансовой поддержке РФФИ. Перевод с англ. – Я.Ю. Моисеенко под ред. А.А. Ярзуткиной.

нас была возможность запечатлеть модель питания в постсоциалистических тундровых селах Чукотки в 1990-х гг. вне какого-либо контекста, это могло бы подтвердить общепринятое предположение: действительно, оленеводы, за малым исключением, питались олениной и тундровыми растениями. Однако беседы с ними о еде выявили их разные диетические предпочтения, а также опасения в отношении продовольственной безопасности. Эти люди, долгое время являвшиеся наемными работниками и получавшие зарплату, видели в постоянно нарастающем дефиците продуктов питания причину некоего морального упадка, который был для них столь же удручающим, как и сама нехватка продуктов. Данный феномен стал своеобразной призмой, через которую люди интерпретировали изменения, происходящие вокруг них.

Коренные народы и натуральные продукты

Образ жизни оленеводов, как и других коренных жителей, часто романтизируется как русскими, так и иностранцами, что обычно проявляется в представлениях о моделях потребления пищи. В 1990-е гг. это отчетливо прослеживалось в многочисленных статьях в газете «Крайний Север», выходившей в Анадыре, административном центре Чукотского автономного округа. Коренные жители ассоциировались с натуральными продуктами, и в рацион оленеводов, как предполагалось, входила в основном оленина, а также некоторое количество рыбы, ягод, грибов и кедровых орехов. Может показаться само собой разумеющимся предположение, что если коренные жители Чукотки занимались такими традиционными видами деятельности, как охота и собирательство, то эти практики они унаследовали от своих предков, и что «традиционного образа жизни» они придерживались добровольно. Возможно, они тем самым даже возрождали образ жизни, который долгое время подавлялся советским режимом (Пика, Прохоров 1994: 102).

Такие предположения действительно могли бы быть верны, если бы они были сделаны в отношении коренных жителей Аляски, которые живут всего в нескольких сотнях километров от Чукотки, за Беринговым проливом. Будучи лишенными доступа к натуральным продуктам из-за бюрократических постановлений об охоте и рыбалке со стороны государства, активисты коренных народов Аляски вложили много энергии в пропаганду позитивного общественного восприятия традиционно добываемых продуктов, настаивая на важности таких продуктов для сохранения самобытности коренных жителей Аляски и поддержания их здоровья (Thornton 1998; Dombrowski 2007; Wesner 2015). Тем не менее, по иронии судьбы, их соседи на российской стороне Берингова пролива имели совершенно иные представления о том, какие продукты должны составлять их основной рацион и являются наиболее

полезными для них. Их модель обеспечения была совершенно другой. Термин «обеспечение» используется здесь в том же значении, что и в работе испанского антрополога Сюзанны Нароцки: «...это сложный процесс, где должны приниматься во внимание производственные, распределительные, потребительские отношения и где способы получения товаров и услуг определяются исторически. Обеспечение также позволяет определить социальную дифференциацию, конструирование определенных значений и идентичностей и воспроизводство социальной и экономической системы в целом» (Narotzky 2005: 78).

Когда дело касалось продовольствия, у чукчей всегда были стойкие ожидания в отношении того, к каким продуктам питания они будут иметь доступ, даже если живут в самых отдаленных уголках тундры.

Село в фокусе эксперимента

Несмотря на то, что Чукотка является наиболее удаленным от Москвы регионом, он стал одним из первых, где проходила коллективизация, и его развитие осуществлялось с особым рвением. Чукотка стала в некотором роде полигоном для развертывания экспериментальной политики. Идея, казалось, заключалась в следующем: если что-то начнет работать на Чукотке, в этом «далеком и суровом крае», как его часто называют, это заработает где угодно. Вследствие этого советские планировщики продвигали свою политику и стратегию на Чукотке наиболее рьяно: темпы коллективизации должны были быть более стремительными, совхозы – больше и разнообразнее, чем где бы то ни было, олени стада – многочисленнее (Забродин 1979: 189–191). В результате на Чукотке были созданы самые большие и продуктивные оленеводческие стада во всей стране, оленеводство превратилось в основной вид деятельности для большинства совхозов (Диков 1989; Леонтьев, б.д.). В 1970-х гг. поголовье оленей на Чукотке достигало почти 580 тыс. голов (Gray 2004).

Первоначально коллективизация оленеводческих хозяйств Чукотки и повышение производительности труда были задуманы, чтобы сформировать постоянный источник пищи для местных работающих заключённых: в то время, когда приезжие стали во много раз превосходить по численности коренных жителей, их основной рацион также составляла оленина. В.И. Устинов, зоотехник Магаданского управления землепользования, утверждал, что оленеводы Чукотки должны стремиться к увеличению производства продуктов питания для населения, а также к тому, чтобы обеспечивать сырьем легкую промышленность. Также он настаивал на увеличении поголовья оленей до 683 тыс. голов к 1960 г., что было невозможной цифрой, которая так и не была достигнута (Устинов 1956: 6).

Село Снежное оказалось «в эпицентре» бурного освоения Чукотки. Первый совхоз в регионе был основан в 1929 г., что не вписывалось в

типичную схему коллективизации на Севере, он с самого начала создавался не как колхоз, а как совхоз. Снежное – одна из немногих экспериментальных станций на Русском Севере (Друри 1989: 4). Село находится в западной тундре Чукотки, на южном берегу реки Анадырь. Когда я приехала туда в 1990-е гг., в селе не было асфальтированных дорог и вообще никаких внешних дорожных развязок. Транспортировка в село и обратно осуществлялась с помощью речной баржи, вездеходом или вертолетом (в редких случаях), а зимой по замерзшей реке проходила ледовая дорога. Население Снежного в то время составляло чуть менее 400 человек, из которых более 75% были представителями коренных народов (в основном чукчи, чуванцы, эвены); русские составляли всего около 16% населения. В селе не было других производственных (и каких-либо ещё) предприятий, кроме совхоза, да и тот был вынужден преодолевать немалые трудности.

В 1990-е гг. основным занятием совхоза было оленеводство, хотя в прошлом его деятельность была более разнообразной: включала рыболовство, охоту и содержание небольшого стада молочного скота. В совхозе работало более половины местного населения. Крошечное село было лишь частью социального ландшафта Снежного; более широкий контекст включал еще две мобильные бригады оленеводов, которые находились на расстоянии сотен километров от села (количество таких бригад достигало двенадцати, однако с момента введения программы приватизации оленеводческие стада стали сокращаться (Gray 2000; Krupnik 2000)). Вся территория совхоза, включая тундровые оленьи пастбища, составляла около 3 млн га. Однако большинство жителей проживали недалеко от сельского центра; многие опасались уходить слишком далеко в тундру.

Моральная экономика распределения еды

Несмотря на географическую удаленность Чукотки, когда-то она была неотъемлемой частью советского социалистического мира. Существенные дотации со стороны государства дали возможность воспроизвести высокую культуру социализма даже на уровне села: в Снежном были оборудованы библиотека, дом культуры, поликлиника и детский сад (Gray 2004). В советское время рабочих кормили в коммунальной столовой, а снабжение сельского магазина не сильно отличалось от московского: в нем можно было купить свежий хлеб, молочные продукты, фрукты, овощи, мясо, чай, печенье, конфеты, а также фасованные товары из социалистических стран. Этот пищевой рацион был доступен не только жителям села; продукты доставляли еженедельными вертолетами даже в удаленные тундровые оленеводческие бригады.

Распределение пищевых продуктов в селе и за его пределами было обязанностью директора совхоза, при этом следить за тем, чтобы ос-

новые продукты питания доходили до всех работников совхоза, считалось сферой его личной моральной ответственности. Директор совхоза руководил не только хозяйственным сектором, он был начальником и большинства других сельских предприятий. В конце концов, совхоз был центром жизнедеятельности села – фактически совхоз и село на Чукотке были единым целым, как и по всей России. Антрополог Кэрролайн Хамфри даже придумала термин «тотальный социальный институт» (англ. total social institution) для описания этого феномена (Humphrey 1995: 7), в то время как социолог Саймон Кларк писал следующее: «Советское предприятие – это не просто экономический институт, но и основная единица советского общества, и высшая основа социальной и политической власти» (Clarke 1992: 7). Жители Снежного напомнили мне об эффективности системы обеспечения совхозов. Они рассказывали о свежих яблоках, которые можно было купить в сельском магазине круглый год. Люди, живущие на тундровой оленеводческой базе, рассказывали о вертолетах, груженных большим количеством еды, в том числе молоком, растительным маслом, печеньем, огромными банками сладостей для детей. Они хвастались, что даже отправляли обратно хлеб, если он оказывался недостаточно свежим, и сигареты, если они приходили немного промокшими.

Реорганизация и предполагаемая приватизация совхозов на Чукотке коренным образом изменили эту моральную экономику. Предприятия, не связанные напрямую с хозяйственным производством, такие как школы, учреждения культуры, сельский магазин, были выведены из состава совхоза. Социальные услуги, которые когда-то предоставлял совхоз, теперь были переданы в другие учреждения или делегированы сельской администрации. Предположительно, это позволило совхозу сосредоточиться на производстве. Программа приватизации в России была пропитана неолиберальной риторикой: декларировалось, что права частной собственности физических лиц будут защищены, это будет стимулировать предпринимательство и предоставит индивидуальные экономические возможности всем гражданам (Wedel 1998). Однако тому, как это на самом деле происходило в отдаленных районах страны, уделялось мало внимания. Иногда реализация этих программ напоминала театр абсурда. Например, один из заместителей директора совхоза сказал мне с усмешкой, что у него и его жены остались приватизационные ваучеры. Его жене пришлось долго рыться в кучах семейных вещей, к которым давно никто не прикасался, прежде чем она смогла их достать. Заместитель директора сказал, что эти ваучеры никуда не годятся и он оставил их себе только для того, чтобы когда-нибудь показать своим внукам. Один из них он подарил и мне, на память.

Развал

Идея о том, что коренные жители Чукотки снова станут «хозяевами» оленьих стад, «вернут себе» исконные земли, а сами «вернутся к традиционным формам ведения хозяйства», поначалу была встречена с ажиотажем (Krupnik, Vakhtin 2002: 16). Героические профили начинающих предпринимателей из числа коренных народов публиковались в газетах. На самом деле все оказалось иначе. В некоторых случаях жители сел, не принадлежащие к коренным народам, приватизировали стада северных оленей, немедленно их забивали, продавали мясо за деньги, а затем возвращались на материк к другим делам. Некоторые совхозники, чья работа не требовала от них пребывания в тундре, приватизировали все совхозное имущество и создали себе небольшие подворья прямо в селе. Большинство местных оленеводов предпочитали оставаться в коллективе, а не действовать самостоятельно в качестве предпринимателей. Но одна бригада, состоявшая примерно из двадцати оленеводов, отделилась в 1992 г. под руководством своего бригадира, волевого чукчи.

Эта небольшая группа предпринимателей должна была стать полностью самодостаточной: вести переговоры об условиях рынка, по поводу поставок, транспортировки и доступа к рынкам сбыта либо с директором основного совхоза (который остался неизменным), либо с независимыми торговцами. Между тем другие условия, к примеру увеличение поголовья диких оленей, привели к сокращению поголовья домашних оленей (Nuvano 2003; Etylin, Nuvano 2009). Самостоятельное оленеводческое предприятие просуществовало всего около года, когда его участники отказались от этой затеи и снова присоединились к основному коллективу. Отколовшийся бригадир позднее стал директором реорганизованного совхоза и оставался на этой должности много лет.

Несмотря на такую стабильность в руководящем составе, совхоз боролся за выживание. Программа приватизации серьезно ударила по Снежному. Без государственных субсидий, которые всегда поддерживали экономическую активность оленеводства, совхоз не справился даже с этой прямолинейной экономической задачей. Следствием приватизации в Снежном (и во многих других подобных селах) стал как экономический, так и социальный коллапс. Долгосрочные государственные субсидии больше не поступали; это означало, что сотрудникам совхоза не из чего было платить заработную плату. Ко времени моего первого визита в Снежное в 1996 г. совхозники уже несколько лет не получали денег за выполненную работу. Зарплата по-прежнему рассчитывалась на бумаге, соответственно, никто не отменял и различные вычеты из нее: проценты в пенсионный фонд, подоходный налог, снижение зарплаты, если работник был бездетным, отчисления на паи оленей.

ны и основные продукты питания, предоставленные в совхозном магазине. Многие сотрудники на самом деле были в долгу перед совхозом и не смогли бы отказаться от работы, даже если бы захотели – до тех пор, пока они каким-либо образом не погасили бы свой долг. Работники других структур (например, сельской администрации) испытывали некоторые задержки в выплате денег, но это случалось не так часто, и задержки не были такими продолжительными, как у работников совхозов. Все это привело к растущему неравенству: в селе зарождалась классовая дифференциация, что особенно огорчало жителей. Когда-то они чувствовали себя могущественной силой в советской экономике, а теперь стали бессильны даже в своем селе.

По мере того как российская экономика вступала в кризис после коллапса 1990-х гг., практика распределения пищевых продуктов была радикально пересмотрена. Возник дефицит основных продуктов, одновременно с этим на полках магазинов в городах Чукотки стали появляться новые импортные товары из Азии и Северной Америки. Жители Снежного делали все возможное, чтобы сводить концы с концами и обеспечивать себя и свои семьи. Необрабатываемые земли, окружавшие село, были для них бесценным источником ягод, грибов, кедровых орехов, а также различных корней и листьев. Жители села также могли ловить рыбу в реке Анадырь и добывать дичь в тундре, хотя многое из того, что они добывали таким образом, считалось браконьерством. Но каждый из них чувствовал моральное право на тундру и ее продукты.

Некоторые жители использовали землю в селе или на окраине в личных целях (независимо от того, была ли она официально выделена им или нет). Некоторые сажали возле своих домов небольшие огороды; другие строили теплицы; одна семья в селе держала дойную корову – это была единственная корова, оставшаяся от молочного предприятия совхоза, приватизированного этой семьей. Другая семья приватизировала молочный сепаратор и, таким образом, имела монополию на вторичные продукты переработки молока, которое они, в свою очередь, могли покупать у семьи, владевшей коровой, на деньги, которые они получали от продаваемых ими молочных продуктов. Большинство фермеров-садоводов приезжали из других регионов России и стран бывшего СССР; подавляющее большинство чукчей и других коренных народов занимались оленеводством либо работая напрямую со стадами, либо являясь членами семей оленеводов. Как сказал мне один из них, оленеводы не умеют заниматься садоводством, да и вообще, как они могли выращивать что-то в селе, когда они столько времени кочевали в тундре, переходя с места на место?

Когда я была на одной из оленеводческих баз в тундре, я наблюдала, как жители проводили инвентаризацию последней поставки припасов, доставленных вездеходом, который также привез и меня к ним в гости (рис. 1).

Рис. 1. Поставка продуктов на месяц. Оленеводческая бригада села Снежное. 1996 г.
Фото автора

Людей беспокоило, хватит ли им этих запасов до следующей поставки, учитывая то, что предсказать сроки поставок становилось все труднее. Настроение было мрачным. Позднее, вернувшись в Анадырь, я случайно увидела письмо редактору региональной газеты «Крайний Север», подписанное шестнадцатью жителями Снежного, часть из них была оленеводами, с которыми я познакомилась. Тон письма соответствовал настроению бесчисленных разговоров о еде, которые мне довелось случайно услышать или в которых я участвовала в ходе своего визита в село. Вот несколько выдержек из этого письма:

«Уважаемая редакция газеты “Крайний Север”! Обращаются к вам оленеводы совхоза “Анадырский”... Дело в том, что вот уже в течение трех лет в бригады не поставляются необходимые продукты питания, боеприпасы. А если завозятся, то их едва хватает на месяц. А в летний период, когда в тундре находятся дети оленеводов, продукты не удастся растянуть и на неделю. Во время летней кампании оленеводы питаются только мясом, а вместо чая пьют бульон... Тундровики не получают заработную плату. Отпускники, не получив своих денег, вынуждены возвращаться на работу. Матерям по несколько месяцев не выплачивается единовременное пособие на детей. На центральной усадьбе оленеводы, чтобы достать продукты питания, выкручиваются кто как может, о вкусе хлеба мы уже забыли... А в заключение письма,

уважаемая редакция, мы хотели бы спросить у заинтересованных лиц: как нам жить дальше?» (Кергинкау и др. 1996).

В этом письме ярко выражено мнение авторов о нарушениях в области моральной экономики, которую они привыкли воспринимать как должное. Оно также выражает ощущение людей, будто ошибки еще поправимы и что жители тундры имеют право требовать от властей каких-то действий, но эти установки скоро также начнут разрушаться. Особенный интерес представляют жалобы оленеводов на то, что в их рацион входит только мясо; это их не удовлетворяет – им нужен хлеб.

Два года спустя, когда условия на Чукотке еще больше ухудшились, я получила личное письмо, которое перекликалось с жалобами оленеводов. Письмо было от чукотской коллеги по исследовательскому институту в Анадыре, которая сопровождала меня в моей первой поездке в Снежное в 1996 г. Сейчас она жила в своем родном селе Ваеги, так как недавно родила сына. Она написала следующее:

«Патти, ты знаешь, какой самый ценный и дорогой продукт в любом доме? Хлеб. Да, хлеб. Хлеб и еще раз хлеб. Если в доме есть он, то это настоящий праздник, это значит, что жизнь хороша и жить хорошо. Это праздник, даже если в доме нет ничего, кроме хлеба и чая. Сейчас мне кажется, что я никогда в жизни не перестану радоваться появлению хлеба на столе. Для меня это не то чтобы самая вкусная еда на столе, это самый главный продукт, без которого ты будешь голодный. Для меня сейчас хлеб – это главная цель каждого дня».

Далее она описала сложный процесс, который было необходимо пройти, чтобы получить хлеб в сельском магазине: он распределялся по записи, с использованием определенной суммы кредита, что давался покупателям в начале месяца (Krupnik, Vakhtin 2002: 12). Эта система была доступна только бюджетникам, чьи зарплаты могли задерживаться, но со временем все равно выплачивались. Поскольку сотрудники совхоза годами не получали зарплату, магазин отказывал им в кредитовании. Моя коллега беспокоилась о своих братьях, сестрах и матери – все они работали в совхозе; она написала, что берет хлеб из магазина от имени пяти семей. В ее пересказе, позиция магазина по данной проблеме была созвучна ответу на вопрос, поставленному в конце письма из Снежного: «Живи как хочешь».

Продовольственный коллапс

Когда я вернулась в Снежное в 1998 г., я воочию увидела то, что моя коллега описывала в своем письме. Ситуация стала безвыходной: знакомые встречались все реже, а вокруг еды, казалось, строился каждый разговор. По мере того как производственная деятельность в совхозе резко сократилась, директор совхоза все больше времени проводил

вдали от села, в квартире в Анадыре. Он говорил, что ведет переговоры о кредитах и субсидиях в рамках различных федеральных программ поддержки. К тому времени, как я приехала в Снежное, директор отсутствовал несколько месяцев – по причине того, будто он закупает партию основных продуктов питания для сотрудников совхоза. Никто не знал, когда он вернется, и те, у кого были родственники среди оленеводов, ушедших в тундру, беспокоились, что там заканчивается еда. Поскольку я была одной из последних, кто прибыл из Анадыря, многие люди спрашивали меня, когда вернется директор совхоза. Информации по этому вопросу у меня было не больше, чем у них самих, а постоянные размышления о том, когда он приедет, напомнили мне пьесу Сэмюэля Беккета «В ожидании Годо» – опять же театр абсурда.

Тем сельчанам, которые больше не работали в совхозе, дышалось немного легче, так как они могли легко получить продукты в сельском магазине (рис. 2) в кредит, как описала моя коллега в своем письме.

Рис. 2. Магазин в селе Снежное. 1998 г. Фото автора

Но никто не верил, что сотрудники совхоза когда-нибудь смогут выплатить долг магазину. Для них единственным источником наличных денег были члены их семей, которые получали пенсию по возрасту, или социальное пособие для матерей-одиночек, или выплаты по инвалидности. Если такого варианта у них не было, единственным спосо-

бом получить продовольствие оставалась «отоварка» – процесс, когда совхоз выдает эквивалент зарплаты единожды в месяц в виде продуктов. Совхозу приходилось самостоятельно закупать продукты для «отоварки» (директор не мог просто приобрести продукты в сельском магазине), и запасы часто были непродуманными. В любом случае выделяемых продуктов не хватало на целый месяц. Я часто сталкивалась с людьми, которые «затягивали пояса»: например, выпекали хлеб без масла, пили чай без сахара, а витамины были вынуждены искать в банках с консервированными овощами, которые, по-видимому, были произведены еще в советские времена (в селе был большой и хорошо укомплектованный склад, где хранились старые консервы, и некоторые жители села умели договариваться с хранителем склада по поводу доступа к ним). Я также столкнулась с первыми сообщениями о детях, крадущих еду в селе, – об этом мне с тревогой сообщили знакомые.

Нехватка привычных, необходимых продуктов питания побуждала все большее и большее число семей заниматься натуральным хозяйством: собирательством, рыбной ловлей и охотой. Охота была редкостью, так как требовалось иметь ружье, патроны и лицензию, чтобы заниматься этим на законных основаниях. Мясо северного оленя можно было достать из «холодильника» совхоза – ледяной пещеры, вырезанной в вечномёрзлом грунте; но каждый взятый оттуда килограмм списывался со счета получателя в совхозе, что приводило к еще большей задолженности. Таким образом, по возможности сельчане старались раздобыть «бесплатное мясо», охотясь на дикого оленя или лося. Рыбалка была более простым делом, но все же требовалось иметь крючки и леску или рыболовную сеть и лодку. Мне рассказывали, что каждое лето люди тонули при попытке установить снасти, так как пользовались дырявыми лодками и самодельными плотами.

Собирательством мог заниматься кто угодно в любое время, поэтому это была самая распространенная форма самообеспечения, свидетелем чего я была сама. Грибы, кедровые орехи, съедобная зелень и несколько видов ягод обычно имелись в изобилии в этом районе. Во время своего визита в 1996 г. я участвовала в массовых мероприятиях по сбору и заготовке припасов (это было еще и совмещение полезного с приятным: сельские жители наслаждались данным неторопливым процессом, а также предвкушали удовольствие, которое они получают зимой от этих вкусных заготовок). В 1998 г. местные жители действовали еще более решительно: вместо веселых компаний люди выходили на улицу поодиночке или парами, а так как растения вокруг села были давно обобраны, собирателям приходилось отваживаться на то, чтобы забираться дальше, тем самым подвергаясь риску столкнуться с медведями. Немногие из собранных продуктов были сохранены на зиму: они либо сразу употребля-

лись в пищу, либо продавались местным жителям, у которых были наличные, либо обменивались на основные пищевые продукты.

Свежесобранные дары природы попадали на рынки в городах Чукотки, в том числе в Анадыре, и нескольким предприимчивым людям удалось сыграть роль посредников в этом деле. Фактически сам директор совхоза попытался взять на себя эту роль с разрешения областного управления сельского хозяйства. В начале сентября, так и не появившись в селе, он издал по радио приказ, в котором вводилось новое правило: каждый мог приносить в совхозный магазин ягоды и кедровые орехи, а взамен получать основные пищевые продукты. Была установлена цена за килограмм, исходя из которой рассчитывалось количество продуктов, которые можно получить взамен. Я говорила со многими жителями села об этой новой политике. Некоторые категорически отказались принимать участие в данной инициативе из принципа: так, одна женщина заявила, что ни за что не станет унижаться перед совхозом. Другие сделали сбор кедровых орехов и ягод своим постоянным занятием; я иногда встречала знакомых, возвращавшихся из совхозной лавки после «торговли», и они торжественно демонстрировали мне «добытые» там продукты.

Наблюдая за тем, как разворачивались события в течение первых двух недель сентября, я часто заглядывала в магазин совхоза, чтобы узнать, какие продукты люди могут там купить. В первый день была доступна только мука. Через неделю с низовьев реки прибыла небольшая лодка с доставкой. Осмотр привезенных ею продуктов показал, что прибыли только шоколадные батончики, банки дорогого импортного варенья, торты, упакованные под пластиковыми крышками, и пакеты Zukо (чилийский порошковый напиток, который в дальнейшем был снят с продажи из-за опасности для здоровья). Через несколько дней совхоз разместил объявление о наличии в магазине сухого молока, арахиса, сухофруктов, консервированного лосося, хотя на следующий день сухофрукты из списка вычеркнули. Через пять дней прибыла баржа с очередной доставкой, и помимо всего прочего в магазине появились российская колбаса, американские хот-доги, растительное масло, макароны, шоколадное печенье и южнокорейская лапша рамэн.

15 сентября (а пятнадцатое число обычно было днем ежемесячной «отоварки») мне сообщили, что никто не раздает основные пищевые продукты в совхозе. Потом, через три дня, когда я пила чай со знакомым, в комнату вбежала его сестра и, тяжело дыша, проговорила, что в совхозе идет «отоварка». Она помчалась за своей порцией еды, а мой знакомый задержался; через десять минут его сестра вернулась и сообщила, что приехал директор совхоза и резко закрыл «отоварку», отчитав продавца магазина за то, что он «разрешал местным торговать ягодами и кедровыми орехами в обмен на еду». Эта новость встревожила и

моего знакомого, и его сестру: она была одной из самых активных в сборе ягод и кедровых орехов для продажи в совхозном магазине и явно ожидала, что все равно получит ежемесячный паек. Вместо этого она внезапно осознала, что директор совхоза больше не собирается выполнять взятое им на себя моральное обязательство – кормить своих сотрудников.

Обсуждение

Мельком брошенный взгляд на быстрые социальные изменения позволил увидеть лишь самую вершину айсберга. Мне довелось наблюдать за тем, как осуществлялись долгосрочные структурные изменения системы совхозов, которая уже и без того была радикально преобразована. Вследствие первой реорганизации, в 1992 г., поголовье оленьих стад по всей Чукотке резко сократилось и большинство совхозов осталось без средств производства. Практика обмена продуктов в магазине в Снежном, о чем я узнала позднее, стала обычным явлением – такова была региональная политика, это было не просто нововведение одного директора совхоза в Снежном. Новый тип совхозного магазина должен был возродить дореволюционную факторию, которую когда-то считали худшим проявлением грабительского капитализма на Русском Севере. Совхоз, который когда-то был ярким маяком социалистического производства продуктов питания, теперь был отдан на сырьевое разграбление капиталистам.

С. Наротзки пишет: «Власть, способность людей или институтов принимать решения, оказывающие влияние на средства к существованию других людей, является решающим элементом в цепочке обеспечения продовольствием» (Narotzky 2005: 81–82). Далее исследовательница утверждает, что три важных фактора формируют способность людей действовать в любом контексте: системы обеспечения; системы власти и господства; системы культурного значения, включая чувства идентичности и принадлежности. Стенания оленеводов «вкус хлеба мы уже забыли» находятся на пересечении этих трех факторов. Критические слова оленеводов Снежного относительно тех изменений, что они пережили, показывают, что там, где социализм был «традиционным» образом жизни для нескольких поколений (система культурного значения), внезапная необходимость опираться на натуральные продукты питания (новая форма обеспечения) ощущалась как навязанный сверху кризис (старая система власти и господства, вооружившаяся новой стратегией). В разгар этого разворачивающегося кризиса жители Снежного вспоминали те дни, когда они потребляли товары международного социалистического рынка, которые доставляла им эффективная (хотя и затратная) советская распределительная система. Вместо

того, чтобы довольствоваться лишь местными пищевыми продуктами, они предпочитали сочетать в балансе продукты разного происхождения; однако такое меню стало для них недостижимым. Когда местная экономика начала подвергаться влиянию глобального капитализма, жители начали разговаривать «о еде», вызывая тем самым к моральной экономике, которая, по их мнению, должна была регулировать социальные отношения в селе. Они чувствовали, что все это ускользает от них.

Источники

- Thornton T.F.* Alaska Native Subsistence: A Matter of Cultural Survival // Cultural Survival online. September 1998. URL: <https://www.culturalsurvival.org/publications/cultural-survival-quarterly/alaska-native-subsistence-matter-cultural-survival>).
- Wesner C.* Traditional Foods in Native America, Part IV: A Compendium of Stories from the Indigenous Food Sovereignty Movement in American Indian and Alaska Native Communities. Atlanta GA: Native Diabetes Wellness Program, Centers for Disease Control and Prevention, 2015. URL: <https://www.cdc.gov/diabetes/ndwp/traditional-foods>.

Литература

- Диков Н.Н.* История Чукотки с древнейших времен до наших дней. М.: Мысль, 1989.
- Друри И.В.* Как был создан первый оленесовхоз на Чукотке // Краеведческие записки (Магадан). 1989. Т. XVI. С. 3–14.
- Забродин В.А.* Северное оленеводство. М.: Колос, 1979.
- Кергинау М., Тымрик И., Поольгин Н., Платонов А., Чупрова В. и др.* «Мы забыли вкус хлеба!..» // Крайний Север. 1996. 17 дек. С. 5.
- Леонтьев В.В.* Особенности культурно-хозяйственного развития народностей Чукотки на современном этапе (1958–1967 гг.). Магадан: Сибирское отделение АН СССР, Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт, Лаборатория археологии, истории и этнографии, б.д.
- Лука А.И., Прохоров Б.Б.* Неотрадиционализм на российском Севере. М.: МНЭПУ, 1994.
- Устинов В.И.* Оленеводство на Чукотке. Магадан: Магаданское книжное издательство, 1956.
- Clarke S.* Privatisation and the Development of Capitalism in Russia // New Left Review. 1992. № 1/192. P. 3–27.
- Dombrowski K.* Subsistence Livelihood, Native Identity and Internal Differentiation in Southeast Alaska // Anthropologica. 2007. Vol. 49, № 2. P. 211–229.
- Etylin V.M., Nuvano V.N.* Monitoring Wild Reindeer in Western Chukotka // Rangifer: Special Issue. 2009. № 18. P. 37–38.
- Gray P.A.* Chukotkan Reindeer Husbandry in the Post-Socialist Transition // Polar Research. 2000. Vol. 19, № 1. P. 31–38.
- Gray P.A.* Chukotkan Reindeer Husbandry in the Twentieth Century: In the Image of the Soviet Economy // Cultivating Arctic Landscapes: Knowing and Managing Animals in the Circumpolar North / ed. by D. Anderson and M. Nuttall. Oxford: Berghahn Books, 2004. P. 136–153.
- Humphrey C.* Introduction. Surviving the Transition: Development Concerns in the Post-Soviet World / ed. by D. Anderson and F. Pine; Special Issue // Cambridge Anthropology. 1995. Vol. 18, № 2. P. 1–12.
- Krupnik I.I.* Reindeer Pastoralism in Modern Siberia: Research and Survival during the Time of Crash // Polar Research. 2000. Vol. 19, № 1. P. 49–56.

- Krupnik I.I., Vakhtin N.B. In the “House of Dismay”: Knowledge, Culture, and Post-Soviet Politics in Chukotka, 1995–1996 // *People and the Land: Pathways to Reform in Post-Soviet Siberia* / ed. by E. Kasten. Berlin: D. Reimer, 2002. P. 7–43.
- Narotzky S. Provisioning // *A Handbook of Economic Anthropology* / ed. by James G. Carrier. Cheltenham, UK: Edward Elgar, 2005. P. 78–93.
- Nuvano V.N. Domestic and Wild Reindeer in the Chukchi Peninsula // *Reindeer Pastoralism among the Chukchi*. Chukotka Studies No. 1 / ed. by K. Ikeya. Osaka: National Museum of Ethnology, 2003. P. 1–19.
- Wedel J. Collision and Collusion: The Strange Case of Western Aid to Eastern Europe, 1989–1998. New York: St. Martin’s Press, 1998.

Статья поступила в редакцию 1 августа 2021 г.

“We Have Forgotten the Taste of Bread”: Provisioning in a Chukotkan Village after State Socialism

Siberian Historical Research-Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia

DOI: 10.17223/2312461X/34/3

Patty A. Gray, PhD, Freelance Scholar and Editor. E-mail: pattyagray@tutaimail.com

The translation of the article from English into Russian was carried out within the framework of the project No. 19-09-00268 “Ethno-encyclopedia of the Chukchi culture”, implemented with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR).

Abstract. This article ethnographically explores changes in food consumption in Chukotka in the 1990s, and how these changes affected social relations in one tundra village. In the process, it highlights ways that postsocialist consumption patterns in the Russian Far North defied common expectations about the food preferences of indigenous people. The article focuses on reindeer herders, indigenous inhabitants who were commonly associated with “traditional” subsistence foods. During the Soviet period, they had become accustomed to foods that were readily available under state socialism and supplied by the *sovkhoz*; under free market capitalism, such foods became scarce. This matter forced reindeer herders to search in their tundra environment for those classic subsistence foods that they supposedly relished; in many cases, they did not consume them, but rather sold them or traded them for staple foods supplied by the *sovkhoz*. While some outside observers heralded a “return to traditional subsistence” in the tundra, these reindeer herders complained of a complete breakdown of the moral economy they had taken for granted. Thus, their own expectations became frustrated by changes favoring market relations and the global food market.

Keywords: consumption, global market, moral economy, provisioning, reindeer herders, *sovkhoz*, state socialism, traditional subsistence foods

References

- Clarke S. Privatisation and the Development of Capitalism in Russia, *New Left Review*, 1992, 1/192, pp. 3–27.
- Dikov N.N. *Istoriia Chukotki s drevneishikh vremen do nashikh dni* [The History of Chukotka from Ancient Times to the Present Day]. Moscow: Mysl, 1989.
- Dombrowski K. Subsistence Livelihood, Native Identity and Internal Differentiation in Southeast Alaska. *Anthropologica*, 2007, vol. 49, no. 2, pp. 211–229.
- Druri I.V. Kak byl sozdan pervyi olenesovkhoz na Chukotke [How the First Reindeer Farm in Chukotka was Created], *Kraevedcheskie zapiski*, Magadan, 1989, vol. XVI. pp. 3–14.
- Etylin V.M., Nuvano V.N. Monitoring Wild Reindeer in Western Chukotka, *Rangifer: Special Issue*, 2009, no. 18, pp. 37–38.

- Gray P.A. Chukotkan Reindeer Husbandry in the Post-Socialist Transition, *Polar Research*, 2000, vol. 19, no. 1, pp. 31–38.
- Gray P.A. Chukotkan Reindeer Husbandry in the Twentieth Century: In the Image of the Soviet Economy. In: *Cultivating Arctic Landscapes: Knowing and Managing Animals in the Circumpolar North* / Ed. by D. Anderson and M. Nuttall. Oxford: Berghahn Books, 2004, pp. 136–153.
- Humphrey C. Introduction. Surviving the Transition: Development Concerns in the Post-Soviet World / Ed. by D. Anderson and F. Pine; Special Issue, *Cambridge Anthropology*, 1995, vol. 18, no. 2, pp. 1–12.
- Kerginkau M., Tymrik I., Poolgin N., Poolgin O., Platonov A., Chuprova V. and others. “My zabyli vkus khleba!..” [“We Have Forgotten the Taste of Bread!..”], *Krainii Sever*, 1996, 17 December, p. 5.
- Krupnik I.I. Reindeer Pastoralism in Modern Siberia: Research and Survival during the Time of Crash, *Polar Research*, 2000, vol. 19, no. 1, pp. 49–56.
- Krupnik I.I., Vakhtin N.B. In the “House of Dismay”: Knowledge, Culture, and Post-Soviet Politics in Chukotka, 1995–1996. In: *People and the Land: Pathways to Reform in Post-Soviet Siberia* / Ed. by E. Kasten. Berlin: D. Reimer, 2002, pp. 7–43.
- Leontiev V.V. *Osobennosti kul'turno-khoziaistvennogo razvitiia narodnosti Chukotki na sovremennoe etape (1958–1967 gg.)* [Peculiarities of the Cultural and Economic Development of the Peoples of Chukotka at Present Time (1958–1967).] Magadan: Sibirskoe otdelenie AN SSSR, Severo-Vostochnyi kompleksnyi nauchno-issledovatel'skii institut, Laboratoriia arkhologii, istorii i etnografii, no date.
- Narotzky S. Provisioning. *A Handbook of Economic Anthropology* / Ed. by James G. Carrier. Cheltenham, UK: Edward Elgar, 2005, pp. 78–93.
- Nuvano V.N. Domestic and Wild Reindeer in the Chukchi Peninsula. In: *Reindeer Pastoralism among the Chukchi. Chukotka Studies* / Ed. by K. Ikeya. Osaka: National Museum of Ethnology, 2003, No. 1. pp. 1–19.
- Pika A.I., Prokhorov B.B. *Neotraditsionalizm na rossiiskom Severe* [Neotraditionalism in the Russian North]. Moscow: MNEPU, 1994.
- Ustinov V.I. *Olenevodstvo na Chukotke* [Reindeer Husbandry in Chukotka]. Magadan: Magadanskoe knizhnoe izdatelstvo, 1956.
- Wedel J. *Collision and Collusion: The Strange Case of Western Aid to Eastern Europe, 1989–1998*. New York: St. Martin's Press, 1998.
- Zabrodin V.A. *Severnoe olenevodstvo* [Northern Reindeer Husbandry]. Moscow: Kolos, 1979.